

Луис де Пинедо (1527?—1580?)

Книга шуток Луиса де Пинедо и его друзей

О жизни Луиса де Пинедо не сохранилось почти никаких сведений. Известно только, что он жил в Старой Кастилии и был приближенным одного из образованнейших вельмож Испании Дьего де Мендосы, который возглавлял кружок гуманистически настроенных литераторов и любителей словесности. Известный исследователь испанской культуры Марселино Менендес-и-Пелайо в начале нашего столетия высказал предположение, что и Мендоса, и члены его кружка были соавторами Пинедо при составлении его книги. Это как будто подтверждает и сам Пинедо, давший своему произведению название «Книга шуток Луиса де Пинедо и его друзей». Текст книги в рукописном виде хранится в фондах Национальной библиотеки в Мадриде и впервые был напечатан в конце прошлого столетия. Тот же Менендес-и-Пелайо утверждает, что сборник должен был быть создан в первые годы царствования Филиппа II, то есть в середине XVI века, — во всяком случае, в нем не содержится никаких упоминаний событий, которые произошли в Испании в более поздние времена. Содержание книги составляют шутки и анекдоты, приписываемые известным остроумцам доктору Вильялобосу, герцогу де Нагера, поэту Гарей Санчесу де Бадахосу и др. Одно из достоинств книги — яркий национальный колорит. Сюжеты большинства новеллок Пинедо вполне оригинальны и трактуют различные эпизоды современной автору испанской действительности или недавнего прошлого.

Перевод фрагментов из «Книги шуток» осуществлен впервые.¹

У алькальда Антекеры мавры похитили жену. Тот предложил за нее богатый выкуп, однако мавры, рассчитывая на большее, запросили вдвое и собрались уезжать, увозя с собой свою пленницу.

— Что ж, увозите, — сказал алькальд. — Только, видит Бог, обратно я ее и за тысячу дукатов не возьму.

Дон Фадрике, герцог де Альба, сказал как-то доктору Вильялобосу:

— Вам бы, сеньор доктор, только скотину лечить.

— А я и лечу, ваша милость, — отвечал доктор, — и презнатную.

Капитан Гайосо был человек невзрачный и малодушный. Будучи в Италии, он ухаживал за одной дамой и как-то во время обеда, который он устроил в ее честь и где было почти сплошь дамское общество, сказал ей:

— Не раз приходилось мне слышать, сеньора, что волчица всегда отдается самому

трусливому и самому паршивому волку, оказывая ему предпочтение перед другими.

— Если это правда,— отвечала дама,— райская у вас, должно быть, жизнь, сеньор Гайосо.

Один студент из Саламанки, сын вдовы, приехал как-то в свою родную деревню в горах. Родственники, даже не зная, каким наукам он учился, стали ему сильно докучать, чтобы он сказал в церкви проповедь. Устав от этих докучательств, студент согласился и стал готовиться самым серьезным образом; однако стоило ему подняться на амвон, как с непривычки он так растерялся, что тут же все позабыл, и наконец, после долгого молчания, совсем отчаявшись, сказал:

— Знаете ли вы, сеньоры, что я хочу вам сказать?

На что один из бывших в церкви ответил:

— Догадываемся, сеньор.

— Ну так пусть, кто первый догадается, скажет остальным,— отвечал студент, и, прочитав «Ad quam nos perducatur»², удалился.

Жил как-то в наших краях один человек, разбогатевший на том, что готовил из разного мяса всевозможные копчения, причем слава о его замечательных копчениях шла повсюду. Был у него сын, юноша весьма недалекий, который водил дружбу с неким местным идальго, большим шутником. Когда мясник умер, идальго, утешая сына, сказал ему между прочим:

— Не пойму, отчего вы так печалитесь, ведь очевидно, что душа вашего батюшки теперь на небесах.

— Откуда же мне знать об этом? — спросил сын, на что идальго отвечал:

— Вы можете убедиться в том собственными глазами. Вот послушайте: этой ночью, скорбя о вашем батюшке, который был мне большим другом, я не спал и смотрел на небо, думая увидеть там яркую звезду Альдебаран, которой обычно люблюсь и прошу охранять мое стадо, ведь надежней сторожа не сыщешь; и вот, не видя Альдебарана, я в изумлении стал искать его по всему небу, но так и не обнаружил, и, вспомнив о вашем покойном батюшке, понял, что это он, попав на небо, забил Альдебарана, чтобы приготовить из него свои замечательные копчения; и это точно так, поскольку с того дня, как он умер, Альдебарана не видно.

Глупец поверил словам приятеля и тут же с доброй вестью поспешил к матери, которая, вся в слезах и печали, выслушав сына, сердито сказала ему:

— Ах ты, чадо мое неразумное, где Альдебаран, и то не знаешь! Стала бы я так убиваться да плакать, не появившись он нынче ночью на небе; а ведь попади туда наш кормилец, он бы его точно забил.

У одного священника-португальца была собака португальской породы. Однажды священник забыл дома молитвенник, и собака его весь изгрызла. Вернувшись домой, взбешенный португалец прибил собаку, но потом, разжалобись, подозвал ее и, лаская,

сказал:

— Послушай, Барбитас, не может того быть, чтобы португальский пес сотворил подобное, но, клянусь телом Господним, будь ты испанская шавка, я б тебя наизнанку вывернул.

Однажды в залу королевского дворца в Мадриде, где были герцог де Альба, граф де Чинчон и другие придворные, вошел коннетабль дон Педро де Веласко, закутанный в накидку из куньего меха с таким длинным волосом, что все, кто был в зале, принялись его вышучивать, причем особенно усердствовал граф де Чинчон, говоря, что коннетабль — вылитый дикобраз. Когда дон Педро подошел к ним, герцог сказал:

— Сеньор, граф говорит, что ваша милость очень похожи на дикобраза.

— Сеньор, — со смехом отвечал коннетабль, — если бы я был так колюч, вряд ли ваша милость так желали бы меня видеть, а граф — шутить надо мной.

Один мой знакомый кабальеро из Саламанки надумал постричься в монахи ордена Святого Франциска и, видя, что его слуги плачут, узнав о его намерении, сказал им:

— Что меня жалеть — над собой плачьте, ведь из-за вас, негодяев, в монахи иду.

Однажды, когда кардинал Лоайса рассуждал со своими друзьями о том, почему император не хочет жаловать своим духовникам, и в том числе фра Н. де Сан-Педро, который в то время исполнял эту должность, епископского сана, ему сообщили, что его величество окончательно решил не жаловать своему духовнику епископства, если тот не будет приносить в казну четыреста дукатов ежегодно.

На что кардинал заметил:

— Да, не позавидуешь бедняге; уж лучше получить сан великомученика, чем отпускать такие грехи.

Как-то в одном городе все восхищались пышным приемом, который был оказан некоей важной персоне. Услыхав это, один насмешник сказал:

— Ну, это что, я видел приемы много пышнее.

И когда его спросили, как это было, ответил:

— Да вот взять хотя бы мою собаку: когда мы только сюда приехали, все кобели отдавали ей честь и все сучки с ней перенюхались.

Однажды, когда королевский двор размещался в Толедо, доктор Вильялобос зашел во время службы в церковь и стал на молитву у алтаря Страстей Господних; случилось, что как раз в это время мимо проходила одна толедская дама по имени донья Ана де Кастилья, которая, увидя доктора, сказала:

— Убери, Господи, отсюда этого нехристя, это он убил моего мужа.

А дело было в том, что доктор перед тем лечил мужа этой дамы, который скончался.

Тут же к доктору подбежал запыхавшийся юноша со словами:

- Сеньор, ради Бога, пойдёмте скорее, моему отцу очень плохо.
- Дружище,— отвечал доктор Вильялобос,— взгляните на ту даму, что клянёт меня и называет нехристом, потому что я убил ее мужа. А теперь взгляните сюда,— продолжал он, указывая на образ Богородицы.— Как скорбит и рыдает эта женщина, уверяя, что я убил ее сына. И вы хотите, чтобы я стал еще и убийцей вашего отца?

Некий кабальеро, решив подшутить над одной старухой, велел слуге опрокинуть корзину, в которой та несла яйца. Яйца разбились; старуха причитала, требуя, чтобы ей возместили убыток.

- Не горюйте, матушка,— сказал кабальеро,— я вам заплачу. Сколько было яиц?
 - Не знаю, сеньор,— отвечала старуха,— только ежели поделить на два, одно будет в остатке; ежели на три, тоже одно; ежели на четыре — одно; на пять — одно и на шесть — тоже; а вот ежели поделить на семь, выйдет ровно.
- Подсчитайте, и увидите сами, что всего было триста одно яйцо.

На балу в Валенсии император, будучи в маске, сказал некоей даме:

- Как вам пришелся герцог, сеньора?
- Так же, как вам герцогиня,— отвечала та.

Некто Сория, будучи при смерти, послал за священником для свершения всех обрядов, подобающих христианину. Уходя, священник вспомнил, что забыл спросить умирающего, где тот хочет, чтобы его похоронили.

- Об этом не беспокойтесь, святой отец,— ответил тот.— Как только умру, хозяйка меня сама на улицу вышвырнет.

На базаре в Вальядолиде три торговки торговали яйцами: у одной их было пятьдесят, у второй — тридцать, у третьей — десять. Придя на базар, некий эконоом купил яйца у первой, у второй и у третьей и увидел, что хотя все они были в одну цену, пятьдесят яиц обошлись ему во столько же, сколько тридцать. Спрашивается, как это может быть. А вот как. Торговка, у которой было пятьдесят яиц, сказала эконоому, что он должен ей по монете за каждые семь яиц и по три монеты за каждое яйцо из остатка; тот согласился и заплатил ей десять монет: семь раз по одной монете за сорок девять яиц, то есть семь монет, и три монеты за одно оставшееся, уплатив, таким образом, за пятьдесят яиц десять монет. Торговка, у которой было тридцать яиц, сказала, что согласна продать яйца на тех же условиях. Эконоом согласился и заплатил ей четыре монеты за двадцать восемь яиц и шесть — за два оставшихся. Торговке же, у которой было десять яиц, он заплатил одну монету за семь яиц и девять — за три оставшихся. Вот как получается, что и пятьдесят, и тридцать, и десять яиц можно купить за одни деньги.

Дон Дьего де Асеведо взял в лакеи одного бывшего носильщика, человека грубоватого, но добродушного; и вот, когда они шли как-то по улице, им навстречу попался носильщик,

тащивший на спине огромный тюк. Видя, что бедняга вот-вот уронит свою ношу, слуга дон Дьего со всех ног бросился ему помогать; дон Дьего проследовал дальше, а затем, вернувшись, стал выговаривать слуге за то, что тот из-за такого пустяка бросил своего хозяина, на что слуга ответил:

— Ах, ваша милость, поработай вы чуток носильщиком, сами бы не устояли: так ведь руки и чешутся помочь своему брату!

Некто Реса, скопец, состоявший на службе у принца, вышел как-то на прогулку в шляпе, к тулье которой были пришиты две большие, увесистые пуговицы. Увидев это, некий кабальеро сказал:

— Какие прекрасные пуговицы, сеньор Реса; может быть, если постараться, все еще станет на свои места.

Услышав это, некая сеньора, у которой Реса домогался места капеллана, сказала:

— Не станет, сеньор.

— Но почему, сеньора? — спросил Реса.

— Что с возу упало, то пропало, — отвечала дама.

Не кто, расхваливая приятелю свое вино, сказал, чтобы тот как-нибудь прислал взять немного к обеду. На другой день к нему явилось несколько слуг с большими кувшинами. Отправив слуг обратно, хозяин сказал:

— Друзья мои, вы явно ошиблись. Думается мне, вас послали за водой на реку, а не за вином к имяреку.

Рассказывают, что неподалеку от Пласенсии есть монастырь по названию Пералес, то есть Грушевая роща, монахини которого пользовались дурной славой. Проезжая как-то мимо, декан церковного капитула написал на монастырской стене: «Здесьние груши всякий прохожий кушал». Монахини приписали внизу: «Что ж ты, ученый муж, не отведал наших груш?» Декан отвечал: «Перезрелок из вашего сада мне и даром не надо». На это монахини ответили: «Старые болтуны лишь языком сильны».

Один нищенствующий монах бродил по деревням, прося подаяния. В одной деревне стали так упрашивать его сказать проповедь, что он волей-неволей согласился; и вот, взойдя на амвон в четвертую седмицу великого поста, рассказал, как Спаситель, разделив пять тысяч хлебов и две тысячи фунтов рыбы, накормил ими пять тысяч человек. Узнав об этом, приор его монастыря спросил, правда ли, что он так вольно трактует Писание. Монах отвечал утвердительно. Когда же приор стал укорять его, говоря, что не следует уклоняться от Святого писания, монах ответил:

— Глядя на мою дырявую рясу, они и в щедрость-то Господню не хотели верить, а вы хотите, чтобы поверили в чудо.

В Монсон-де-Кампосе некий идадьго, вернувшийся из Индий, рассказывал о заморских краях и между прочим сказал:

— Видел я там капусту, такую преогромную, что в ее тени могли бы преспокойно укрыться триста всадников.

На что случившийся тут же слуга маркиза де Посы сказал:

— Ничего удивительного; вот я в Бискайе видел, как двести человек клепали котел, да такой огромный, что даже стук не долетал от одного до другого.

Изумленный путешественник спросил:

— Сеньор, но зачем же нужен был такой котел?

— Затем, сеньор,— отвечал слуга,— чтобы сварить вашу капусту.

Известно, что вдовы имеют обыкновение подписывать свои письма: «Безутешная вдова такая-то».

Как-то донья Мария Энрикес, жена Хуана де Рохаса, сеньора де Монсон, отправила своему капеллану Гарей Эскудеро, письмо, по рассеянности подписавшись: «Безутешная донья Мария».

Капеллан, памятуя, что в свете принято отвечать учтивостью на учтивость, подписал ответное письмо: «Безутешный Гарей Эскудеро».

Эрнан Кортес рассказывал, как однажды по распоряжению сестры его деда монахини, стали копать землю возле одного скита под Медельином и наткнулись на каменную статую, на которой сбоку было написано: «Переверни и увидишь».

Когда же статую перевернули, прочли следующее: «Благодарствую, а то весь бок отлежала».

Как-то в бытность свою в Саламанке в тридцатом году маэстро Кастилья, францисканский монах в один из дней великого поста проповедовал в монастыре Святого Духа, порицая легкомыслие и распущенность молодых дворян, среди которых был тут же и дон Дьего де Асеведо; и так как, произнося свои осуждающие речи, маэстро чуть ли не пальцем указывал на доня Дьего, тот не выдержал, вскочил с места и, намотав плащ на левую руку, правой выхватил шпагу и стал лихо размахивать ею, словно отражая словесные выпады проповедника. А поскольку происходило это при великом стечении народа, то и смеху было много, особенно же потому, что маэстро, ни на миг не потеряв нити своих рассуждений, продолжал проповедовать, словно ничего не замечая. Я же, клянусь, видел все это *propiiis oculis*

Попечитель королевского приюта под Бургосом тягался в суде с алькальдом Эррерой. Один из свидетелей, поклявшись под присягой говорить только правду, дал показания; когда же его спросили, не хотел бы он что добавить, ответил:

— Хотел бы, да попечитель не велел.

Во Флоренции восстала чернь и, изгнав из города знатных людей, стала править. Главным выбрали некоего скорняка. Один дворянин спросил его:

— Как же ты будешь править?

— Да так же, как вы,— отвечал скорняк,— только навыворот.

Дону Алонсо де Кастилья, епископу Калаорры, пришло однажды письмо, на котором значилось: «Препобабному сеньору епископу Калаорры, владыке Содома и Гоморры, а также святому отцу детей Родриго из Баэсы».

Некто, желая пить, сказал слуге:

— Слуга, вина.

Слуга, о котором поговаривали, что он крещеный мавр, ответил:

— Никак не пойму, в чем вы меня вините.

Герцог дель Инфантадо, расхваливая преимущества старости, сказал как-то доктору Фабрисьо:

— Теперь я больше вижу, обо мне больше пекутся и к моим словам больше прислушиваются.

И действительно: в глазах у него двоилось, близкие постоянно его допекали его немощами, и говорил он так, что еле можно было расслышать.

Когда после восстания император⁴ второй раз приехал в Кастилию, все считали его человеком не очень далеким; и однажды Антон дель Рио, житель Сории, предстал перед его величеством, умоляя вспомнить его заслуги, так как в свое время он ссудил императорской казне немало денег; на что император отвечал:

— Вы поступили весьма хорошо, ибо, поступи вы иначе, вы дорого бы мне заплатили.

В ту же пору на аудиенцию к императору явилась жена Кинтанильи и стала умолять, чтобы его величество соизволил простить ее мужа (каковой скрывался, так как был замешан в восстании), говоря, что она служила придворной дамой при королеве донье Исабели и что муж ее тоже состоял в свите; так что, поскольку они оба состояли на службе его величества, то она тем более умоляет, чтобы его величество соизволил простить ее мужа. Выслушав ее, император ответил:

— Поскольку все это так, мне стоит вдвойне наказать его, ему же вдвойне не стоило сердить меня.

Услышав, как один человек маленького роста жаловался, что плохо видит, император заметил:

— Посмотритесь в зеркало, и вы увидите еще меньше.

За участие в восстании ффра Бернардино Паломо был заключен в крепость Монсон. Когда однажды он в сильной задумчивости стоял у окна, стражник сказал ему:

— Опять, верно, какие-нибудь козни строите.

— Займитесь своим делом,— отвечал ему ффра Бернардино,— ибо вас поставили стеречь мое тело, а не мысли.

Губернатор некоего города обратился к Тристану де Акунье за советом — стоит ли ему просить у короля дона Мануэля должность посла в Риме.

— Просите,— ответил тот,— и, думается мне, получите, ведь вы совершенно для этого не годитесь.

Дон Родриго Пиментель, граф де Бенавенте, внушал своим слугам великий страх. Как-то, будучи у себя в Бенавенте, он сидел и писал важные письма, а несколько его пажей, стоя тут же, говорили между собой о том, какой у них строгий хозяин.

— Бьюсь об заклад,— сказал один,— что прямо сейчас подойду и влеплю ему хорошую затрещину.

Поспорили; и вот славный паж, будто чтобы узнать, не желает ли чего господин, подошел и влепил ему здоровенную затрещину со словами:

— Пресвятой Георгий!

— Что такое?! —воскликнул граф.

— Сеньор,— ответил слуга,— на затылке у вашей милости сидел огромный паук.

— Что ж ты, убил его? —спросил, вскакивая, испуганный граф.

— Убежал, ваша милость,— отвечал слуга.

Гарси Санчес из Бадахоса вышел как-то на улицу нагишом; брат его бежал следом, вопя, чтобы он образумился.

— Вот как,— ответил Гарей Санчес.— Я всю жизнь жду, пока ты поумнееешь, а ты и двух минут подождать не можешь.

Идя как-то по улице, Педро из Картахены заметил на галерее под самой крышей человека, который перегнулся через перила, собираясь броситься вниз; увидев это, Педро из Картахены спросил безумца, что он намеревается делать, на что тот ответил, что хочет полетать,

— погоди,— сказал Педро из Картахены,—я тебе поправлю капюшон, а то ведь ты не видишь, в какую сторону лететь.

И, задержав его таким образом, поднялся наверх и увел безумца домой.

В Куэльяре жил как-то дурачок по прозвищу Чинато. Однажды зашел он в церковь, где служил некий клирик, по слухам — новообращенный. И вот, стоило тому подойти к распятию, как Чина то завопил во весь голос:

— Господи, берегись, опять твои враги к тебе подбираются!

В Т оледо осматривали как-то дом умалишенных; и вот, завидя входящих, один из сумасшедших возопил:

- Я— архангел Гавриил, ниспосланный Богородице и возгласивший: «Ave Maria...»
- Врет,— прервал его другой.— Я — Боготец и никогда его ни за чем подобным не посылал.

Однажды, жарким летним днем, ростовщик Сото появился в пышно расшитом камзоле с высоким воротником. Удивившись этому, донья Мария Сармьенто, жена маркиза де Посы, спросила:

- Господи Боже, сеньор Сото, неужели вам не жарко?
- Очень жарко, сеньора,— отвечал Сото,— зато каково шитье!

На некоего идальго из здешних мест донесли в инквизицию, что он ел мясо в постные дни. Представ перед судьями, он изложил им свое безупречное происхождение (при этом постоянно заикаясь и шепелявя), а под конец сказал:

- Что ж, теперь вы сами убедились, сеньоры, что я не только не иудей, не выкрест и не мавр, но также и не язычник, потому что язык у меня подвешен не лучшим образом. Судьи посмеялись такому находчивому ответу, и на том дело и кончилось.

Узнав о том, каким разрушениям подверглась Гранада, король фесский сказал:

- Три вещи, по крайней мере, у нее нельзя отнять: зеленый убор ее садов, серебряный пояс реки и белый плат снегов на горных вершинах.

Некий римский еврей угощал одного новообращенного холодной свининой, на что тот ответил:

- Э нет, меня не проведешь: горяч он или холоден — один черт!

В некоем городе представляли страсти Господни: по улице шел человек, неся крест Спасителя, а толпа со всех сторон награждала его тычками, плевками и поношениями. Случилось проезжать мимо одному португальцу, который, увидя это, соскочил с коня и, выхватив шпагу, бросился на истязателей; те, видя, что дело не шуточное, разбежались, португалец же сказал:

- Клянусь Господом, до чего подлый народ эти испанцы!

И, с досадой обернувшись к Христу, продолжал:

- А ты, добрый человек, что ж ты каждый год им в руки даешься?

В другой раз некий португалец проповедовал о страстях Христовых, и поскольку, слушая его, все прихожане плакали навзрыд и беспрестанно стонали, обратился к ним со словами:

- Не убивайтесь так, сеньоры: кто знает, может, ничего такого и не было.

В местечке Сельцо Простаковского округа некий прощелыга монах под страхом отлучения согнал всех крестьян на проповедь, темой для которой взял слова Иова «Quid est homo»⁵ один крестьянин, перед тем выгонявший своих лошадей на луг, запоздал и вошел в церковь в тот самый момент, когда монах возгласил по-испански:

— Кто ты есть, человеке? Откуда явился в мир?

Крестьянин, решив, что обращаются к нему, громко ответил:

— Перо Гонсалес меня зовут, сеньор, вот лошадей на луг выгонял.

Те, кто был рядом с ним, зашептали:

— Тише ты, тише, это на него снизошло.

— Ах, нашло на него,— отвечал крестьянин. —Так пусть тогда про себя расскажет, откуда он в мир явился и какая шлюха его родила.

И сколько ни пытались объяснить ему, в чем дело, все без толку.

Рассказывали мне как-то в Валенсии, что его преподобие мосен Феррер Старший, выйдя однажды из дворца после аудиенции у вице-короля, не нашел своего мула, которого спрятали слуги. Разыскав мула, его преподобие спокойно отправился домой. Когда же один из бывших с ним друзей спросил, почему он не наказал слуг за их проделку, тот отвечал:

— Тише, не дай Бог они поймут, что нам нужны, тяжело нам тогда придется.

Однажды некий монах-бенедиктинец на страстной неделе читал проповедь в Вифлеемской церкви в Вальядолиде. Кафедра, где он стоял, находилась рядом с решетчатой перегородкой, за которой молились монахини; и так как пылкий проповедник постоянно размахивал руками, то зацепился широким рукавом рясы за острые концы решетки и вместе с кафедрой обрушился на монахинь; причем один из прихожан заметил:

— Знал, куда упасть.

Однажды в день Святого Петра некий нищенствующий монах читал в Вальядолиде, в приходе святого Петра, проповедь, на которой присутствовало много лиц из высшего духовенства, и среди них — кардинал Лоайса; а так как в обычае монаха было порицать и укорять свою паству, то и на этот раз он стал выговаривать прелатам за то, что они слишком воздержанны в своих милостях и слишком умеренны в своих благостынях; и наконец, обернувшись к кардиналу, произнес:

— Чего, впрочем, не скажешь о вашем преподобии, ибо все, что имеете, вы отдаете. И кому же? Фра Висенте, вашему казначею.

В Вальядолиде, рядом с церковью Святого Стефана, есть могила с такой эпитафией:

Здесь спит дон Педро Лежебока,

Покойным сном почив глубоко,

Вкушая прах, сам прахом стал,

В долг не давал, займы не брал,

Что скрыто здесь —
Бог весть.

Как-то коннетабль шел с доньей Марией де Мендоса под руку в некоем темном месте.
— Славное местечко,— сказал коннетабль,— не будь ваша милость вашей милостью.
— Да, славное,— отвечала донья Мария,— будь ваша милость не вашей милостью.

Герцогу дель Инфантаго прислали однажды из толедских кортесов такое письмо:
«Поскольку вы выдали свою дочь за Санчо де Паса, согласились служить королю и обнажили шпагу против альгвасила, то о своей чести можете не заботиться — у короля ее на всех предостаточно».

Выдавая свою дочь за коннетабля кастильского, маркиз де Сантильяна передал с ней письмо, в котором написал; «Дочь моя, посылаю вам обещанное приданое и хочу, чтобы вы знали, что не осталось теперь у вашего батюшки ни овцы, ни быка, ни на теле жирка».

У Дьего де Рохаса служил егерь, о котором шла молва, что он рогат. А за женой его ухаживал один из пажей Дьего де Рохаса. И вот однажды, подкараулив пажа на улице, егерь выхватил шпагу и бросился на него, так что пажу не оставалось ничего иного, как скинуть плащ и, набросив егерю на голову, скрыться. Егерь пришел жаловаться к Дьего де Рохасу; когда же позвали пажа и спросили, как все было и правду ли говорит егерь, тот ответил:

— Клянусь Господом, я всего лишь набросил на него плащ, ведь иначе бы он меня забодал.

Дон Антонио де Веласко сказал однажды адмиралу дону Фадрике, имея в виду его малый рост:

— Кажется мне, что вы подросли.
— Рядом с вашей милостью,— ответил дон Фадрике,— любая посредственность кажется выше.

Граф де Уруэнья, узнав, что его сын, дон Педро Хирон, примкнул к восстанию, послал ему письмо, в котором была всего-навсего одна фраза: «Сын мой Педро, взялся за гуж, не говори, что не дюж». Таково было наставление старого графа.

Некий дворянин был влюблен в одну даму, но поскольку та не соглашалась уступить его желаниям прежде, чем он увезет ее из родительского дома, то они договорились бежать, и на следующую же ночь ехали по ведущей из города дороге. Ярко светила луна, и размечтавшийся кавалер сказал:

— Славная ночь, чтобы вскружить голову какой-нибудь бабенке, не правда ли, сеньора? Услышав это, дама взглянула на своего воздыхателя совсем иными глазами и, оставив его

слова без ответа, сказала:

— Главное-то мы и забыли. Я взяла у матушки сто дукатов, так что вернемся за ними, если вы не против.

Кавалер отвечал, что он совершенно согласен, что деньги им никак не помешают, потому что без хлеба и вина любая дорога длинна, даже если мяса вдоволь, ведь одной любовью сыт не будешь. Когда они вернулись, он остался у дверей, глядя на луну и вздыхая о своей даме. Прошло немало времени, наконец она появилась в одном из окон и сказала:

— Эй, сеньор!

— Что вам угодно, моя госпожа? —откликнулся кавалер, на что дама отвечала:

— Славная ночка, чтобы кружить головы дуракам, не правда ли?

С этими словами она захлопнула окно, и наш кавалер остался ни с чем.

Представь же себе, читатель, что он в ту минуту почувствовал.

-
- 1.3. И. Плавский
 - 2. «К чему нас приводит» (лат.).
 - 3. Собственными глазами (лат.).
 - 4. Имеются в виду восстание комунерос и император Карл Пятый
 - 5. «Что есть человек» (лат.).

Источник:

Испанская новелла Золотого века. «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА», Л., 1989